

6 августа исполнилось 70 лет замечательному писателю, страстному любителю красоты казахстанской природы и борцу за ее сохранение **Борису Васильевичу ЩЕРБАКОВУ**. Писатель, учёный-биолог, неутомимый исследователь и путешественник, обошёл он весь Рудный Алтай и щедро одарил своих читателей истинно поэтическими описаниями богатства и разнообразия этого края.

Редакция журнала "АкЕртіс" от души поздравляет юбиляра со знаменательной датой и желает ему оставаться таким же молодым душой в жизни и творчестве, как теперь. Сибирского здоровья, новых дорог и новых книг Вам, дорогой Борис Васильевич!

**Борис
ЩЕРБАКОВ**

Таежное графство Алтайского заповедника

отрывок из книги

ВСТУПЛЕНИЕ

«Все мы, так или иначе, представляем собой некий потаенный музей, где хранится память о великих событиях прошлого» (Г. Башляр).

Некоторые моменты в моей жизни связаны с приятными переживаниями, особенно, когда бреду горными тропами Алтая или вязну в сыпучих пустынях знойной Зайсанской котловины – расположенных в самом центре Евразии. Центральная Азия, это не только рыжие, безводные просторы, это – высочайшие хребты с шапками снегов, глухими ущельями, тайгой, белопенными реками и чистейшими полными небесной голубизны либо солнечного огня, озера. Красочные альпийские луга, бескрайние степи, пустыни..., словом, разнообразная по природным условиям и удивительно прекрасная часть нашей планеты.

Бывая в природе, достаточно проявить лишь некоторое внимание к окружающему миру и открываешь для себя, что все удивительно: тайна в каждом цветке и стебельке, в малой росинке и диком камне; всюду живут и действуют великие силы природы и исполнено все великого, философского смысла. Не достойных внимания «мелочей», под небом не существует. Природа такова, какой нам представляется. Если вокруг кажется все простым, и тогда разглядеть можно в «простом» важное и удивительное. Вспомните, как при солнце, на листьях растений, похожих на растопыренные ладошки, сверкают жемчуга росных капель, как по бездонному небу плывут караваны кучевых, похожих на белые розы, облаков... В такое время росы, дуэлянтам подобно, стреляют по глазам разноцветными искорками, отдавая влагу пьющему их небу. И оно – небо обращает ее в облака и тучи. Тучи проливаясь роняют дождемки в ладошки листьев, и снова по лугам и опушкам мириадами жемчугов сияют

луга и леса, и снова плывут в вышине белые, как хлопок облака.

Древнеримский поэт Публий Овидий заметил: «О драгоценных камнях, об окрашенной пурпуром ткани и о девичьей красе только при солнце суди». О роскоши альпийских лугов судить нужно, тоже, при солнце, когда они польхают перлами «мокрых» огней. Жаль, что пронувшиеся ветерки сбивают и гасят их красоту и тогда меркнут россыпи света, умирающего в разбуженных травах. Красота ранима – первой исчезает она, легко и быстро. Не ей «спасать» рационально – жестокий мир, она сама нуждается в помощи. Потому и хрупок мир лугов с улыбочивыми цветами и мрачен так лик таежных раздумий. «Природа только – как сказал Анатолий Франс – такова, какою она нам кажется. В ней самой нет ни красоты, ни безобразия. Лишь глаз человека делает прекрасными небо и землю. Мы придаем красоту вещам тем, что любим их».

И это так: полюбив алтайские горы и леса, осознав уязвимость я понял: «Все живет и ликует здесь до пришествия человека». Появится человек, не будет ни кому пощады... Поэтому, чтобы защитить удивительный угол на Западном Алтае – ландшафты у истоков Белой и Черной Убы, взялся я за долгий, мало надежный труд, осуществляя идею создания природного заповедника.

Мы так устроены, что оказавшись вдали от городов, в дикой природе, сразу же чувствуем, как обостряются и пробуждаются зоркость и слух. И вот здесь – в кругу лесов и вечных снегов, в окружении альпийских лугов, наблюдая птиц и зверей, не знающих человека, знакомился я с каждым цветком и камнем, в которых открывал для себя законы и красоту. Вооруженное инструментом жажды познания, человечество с поражающей скоростью постигает сущность этих законов, открывая новое что-то. И происходит, как, казалось бы, в хорошо изученном мире, когда понятны, казалось бы, причины и процессы происходящего.

Современное поколение переживает величайшие научные постижения: загадочное вчера, перестает быть им сегодня. За один год делается столько открытий, на которые ушли бы еще в прошлом многие века. Их столько делается за год, чтобы на время требуемое для их прочтения ушел бы не один десяток лет. Вроде бы, причинно – следственные связи в природе уже и познаны, достигнута конечная инстанция представления об эволюционном марафоне, однако остается многое непостижимым: доступна познанию пока еще одна четвертая часть материального мира. Остальные – три, называемые – «черной материей», предстоит исследовать.

Как не вспомнить ученого – философа Геракликта, более двух тысяч лет назад озадачившего мир тремя идеями: вечное движение, единство вселенной и закономерности протекающих процессов, направленных на познание вечной динамики и текучести материального мира. Впервые им была высказана мысль о невозможности зафиксировать стабильность материальной субстанции. Другой, из лучших сынов и философов белокаменной Эллады – Демокрит – ученик Левкиппа, постигший атомную сущность мира, изрек, однажды: «Ничто не происходит случайно, но все совершается по некоторой причине и необходимости». Сделав величайшие из величайших открытий об атомах, из которых состоит материя, он сказал: «Я знаю, что ни чего не знаю», а миропонимание наше есть не более как «движение атомов души».

Спустя две тысячи лет, как простой натуралист, наблюдая поразительные «мелочи» на тропках и в бездорожье, которыми следовал подвластный «движению атомов души», уяснил – каждая мелочь – великое отражение Вселенной; существо любое – уникальная частица Великого Космоса. Уподобившись язычнику, поэтому, преклоняюсь перед самым малозаметным творением природы: боюсь раздавить букашку – обхожу, не спугну бабочки с открывшегося для нее цветка, не столкну с горы камень – не разрушить бы созданное до меня. Этому всему учился сам у себя и, может быть по этому, удалось разглядеть в каждом «ничтожном» явлении великую часть Мироздания. Это приблизило меня к пониманию, что любая частность, вплоть до осеннего листа, падающего с дерева, скрипа коростеля, есть сущность великой божественной или эволюционной идеи и все вокруг достойно бесконечного удивления. Не трудно понять, что горько сознавать за наши поступки на земле, в результате которых каждый день исчезает около двадцати видов растений и животных. Разве восхитительно общество, утратившее идею сохранения окружающего мира и собственного бытия?

В моих экспедиционных поездках при был полевой дневник, с которым постоянно делился переживаниями встреч в дикой природе. На одной из страниц дневника, находясь у истоков Белой и Черной Убы, которым суждено стать заповедными, записана была простыми словами идея «атомов души» о создании в этих краях заповедника, что отражено было потом в научных работах и книги: «Тропа диною в год».

После первого посещения этих мест, регулярно, в течении двадцати лет приходил в эти края для изучения фауны птиц, для знакомства с лесами и лугами, с озерами и речками. Все эти годы насыщены были удивительными встречами и приключениями, незабываемыми свиданиями с величайшими творениями дикой Природы.

К месту вспомнить слова: «В упражнениях обычно развиваются как способности, так и недостатки», – сказано это Цицероном. Так и случилось: наблюдения и переживания в природе, стали своего рода «упражнениями» при описании явлений и состояния в природе – основой откровения и любви. Освободиться от привычного, тоже, не просто: как и прежде ищу продолжения прошлого в настоящем. Собранный за многие годы материал о избранной заповедной территории, сравнить хочу с чашей старого вина, настоящего на академических фактах, подкрепленных эмоциями тех же все «атомов души». При «слепоте» и «глухоте» к природе, свойственной многим из нас, с неподдельным желанием старался хоть чуть – чуть приоткрыть красоту отдаленного от городов и дорог алтайского таежного «графства» Признаюсь, нее единой, запинался на мысли: неужели полученные знания и образование, как монеты, обмениваются на чуткость восприятия, на дешевые ценности?

Мои наблюдения, основанные на субъективных эмоциях, естественно, не лишены ординарности, хотя часто приходилось наводить справки по некоторым вопросам, посещая Империю научных источников. Листая дневники свои, с каждой строкою, записанной двадцать и тридцать лет назад, будто, снова иду тропкою прошлых лет, и свежо сопереживаю прежде увиденное. И, как прежде, вдыхаю вялый аромат заложенных между страниц дневника разных травинки и цветков; трогаю заложенные между страниц подобранные и заложенные перья, не утративших еще рисунка; вглядываюсь в карандашные рисунки сделанные наспех. Дневниковые записи, оказалось, куда прочнее самой надежной памяти. Об этом в свое время, точно подметил Н.М. Пржевальский «У путешественника памяти нет». Истина знакома была и мне. И теперь, держа в руках потертые, с покоробленными от сырости корками и тронутыми желтизной страницами дневники, снова шагаю дорогой памяти – таежными и высокогорными тропами, не напрягаясь вспоминаю поблекнувшие моменты, когда делались эти записи. Трудно судить – удалось ли передать малую, хотя бы, частицу пережитого очарования, испытанное в те годы в этих краях.

Действенное сохранение природы в будущем, как представляется, связано в основном, с особо охраняемыми территориями. Мы это хорошо уяснили, создав заповедники, национальные парки, как пакты перемирия человека с дикой природой... Агитационная информация, как показало время, по сути, малопродуктивное занятие. И хотя она касается горячих проблем, но легко всегда предлагает пути их решения. Но, к сожалению, печатная продукция, видеофильмы и прочее не всегда оправдывают желаемое. Известный американский писатель – натуралист, ученый Олдо Леопольд более полувека назад писал: «Сохранение дикой природы остается пустым звуком, потому что оно несовместимо с библейскими представлениями о земле. Мы не бережем землю, потому что рассматриваем ее как принадлежащее нам недвижимое имущество. Когда нам станет ясно, что она – сообщество, к которому принадлежим и мы с вами, возможно, мы начнем пользоваться ей с любовью и уважением. Только при этом условии земля сможет выдержать натиск механизированного человека, и только при этом условии мы сможем пожать тот эстетический урожай, который она благодаря науке способна приносить, обогащая нашу культуру».

За последние десять-пятнадцать лет после развала Союза к нам пошел поток западных долларов ради сохранения окружающей среды и прочее.... Миллиарды их потрачены передовыми странами Запада на сохранение уникальных ландшафтов, растений, животных разных континентов. К примеру, не малая валюта израсходована на защиту водно-болотных угодий с их уникальным биоразнообразием. Деньги обладают, как известно, могучей притягательной силой: они, на беду это самой окружающей среды, привлекли к этой деятельности, на самом деле не озадаченных бедственным состоянием природы «героев». Команды самосоздавшихся неправительственных отрядов научилась грамотно, преодолевая легко формальные сложности, составлять проекты за «зеленые» гранты, оплачиваемые зарубежными покровителями. Однако, по иностранным меркам, отчеты о проделанной работе, собственно природе ничего не дали. Благие намерения и действия такого рода, только усыпили больше еще нас. Более того, они обрели на временное бездействие. Но как здорово научились мы прикрывать практическую бездеятельность общими словами, «грамотными» отчетами и докладами, подкрепленных блестяще иллюстрированными, благодаря компьютеризации, таблицами, графиками и фильмами. К

сожалению, все это отгородило нас от самой природы, от решительных мер по защите ее. И все потому, повторяюсь, что в команды «ратующих за природу» вошли совершенно не сведущие, но блестяще «преуспевающие» чиновничьей канцелярии рыцари. Естественно, в результате, отрицательно только это сказало на флоре и фауне, на ландшафтах в целом и, в конечном результате, на моральном облике подрастающего поколения, не говоря уж о более старших поколениях.. Болезнь эта коснулась не только нас, но и многих стран и народов.

Практика показала, что только конкретные охраняемые территории, способны уберечь не разрушенные еще, не разграбленные ландшафты с их бесценным генофондом.

Как все начиналось...

Когда смотришь с горных вершин на синеющие вдали хребты с островерхими скалами, широкими, залитыми синевой долинами, с отдельными пиками, выглядывающих из таежных холмов, не только восхищаешься красотой этой земли, но появляется желание узнать как и когда все это сотворено, с чего начиналось? Что предшествовало, тому, чтобы вот так, вздымались горбатые, изрезанные складками ущелий горные громадины? А ведь было все это, все это когда строилось. Алтай необыкновенно красив и геологами назван краем уникального геологического заповедника в центре Евразийского континента; ими описано прошлое Алтая, рожденного в корчах и муках Матушки-Земли великих страстей всемогущественного Плутона.

Зарождение Алтая, как горной системы, началась примерно два миллиарда лет назад. И все эти проявления в той или иной мере запечатлены в громадах хребтов, пересоленных полезными ископаемыми, запечатленных в ложах долин, в чашах озер, в скалах и в каждом камне.

На восходе геологической истории Алтая, плескался среди безжизненных островов свинцовых вод реликтовый океан. Миллионами лет на дно его оседали пески и глины, выпадали известковые осадки. Следы этих процессов и сейчас видны в кристаллических сланцах. Недремлющие силы молодой планеты выталкивали из глубин новые острова, рождая очаги вулканов, которые созрев, огненными жерлами выплывали огненную лаву и пепел. Прошло еще 1500 млн. лет, прежде чем произошло обширное поднятие суши с известковыми и кремнистыми отложениями, на которых появились синие – зеленые водоросли.

До нашей эры, ни много, ни мало, еще 800 млн. лет оставалось, когда начались новые катаклизмы: вздыбленная суша расчленилась, образовав поднятия и прогибы, с трещинами и разломами и цепями вулканов.

За 600 млн. лет до нашей эры наступает, так называемая, палеозойская эра: олицетворяющая бурную вулканическую жизнь Земли: вулканы выбрасывают с лавой тучи пепла и газа. Ужасы геологического ада сопровождается медленным поднятием суши, скрытой под толщами вод, и еще за 100 млн. лет, встают горные хребты, подверженные многократному наступлению и отступлению моря. Период этот ознаменовался появлением ракообразных – трилобитов и других примитивных, напоминающих моллюсков, животных. В конце эры происходит новая вспышка горообразовательных процессов. Море отступает, бывшее дно сминается подобно бумажному листу, в складки – выросли горные хребты. Процессы сопровождаются ростом гор и образованием разломов, уходящих на десятки километров в недра. По ним, как по коридорам, прет под давлением раскаленная магма, заполняющая глубины. Раскаленная плоть поглощает куски прежде застывших горных пород, образуя граниты, диориты и другие твердые породы, которые наблюдаем сегодня в виде скал на вершинах гор, по склонам. В это же время, заполняя трещины, магма выделяет газы и растворы, из которых позднее образовались месторождения золота, серебра и других редкоземельных металлов, прославивших на весь мир Рудный Алтай. На «короткое» время, наступает относительное затишье, но подземелье вновь и вновь выбрасывает жидкие массы, изменяя и коверкая облик суши. Там, где сохранилась вода, она настойчиво размывала горные породы. Развиваются в этот период головоногие моллюски, кораллы; на суше – появляются растения с крайне примитивными стеблями и листьями. Появление на суше растений открывает возможность появления на арене жизни древнейших обитателей планеты – насекомых.

До четвертичного периода, ознаменованного приходом на историческую арену человека, остается» 320–360 млн. лет. Но наступает на сушу снова море и суша погружается в воду. На поверхности видны островки самых высоких гор, похожих на архипелаги, между которыми гуляют пустынные волны. Однако природа проявила милосердие: вновь просыпаются вулканы и горы снова поднимаются из воды. Огненная лава стекает в моря, порождая затмевающие солн-

це облака горячего пара, обильными дождями которые проливаются на землю. В кромешном аду, кроме паров, в атмосфере скапливались ядовитые газы. Война воды и суши затянулась на многие миллионы лет и, в конце – концов, Горный Алтай становится вновь сушей. Как никогда прежде, устанавливается теплый и влажный климат, влекущий выравнивание гористой суши. Вода остается лишь по впадинам, трещинам в виде озер, лиманов и эстуарий – приустьевых частей рек. Бурно расцветает тропическая растительность: происходит отложение углеродных скоплений. Период этот геологи относят к концу палеозойской эры. Горы постепенно вытесняют воду.

Сегодня и представить трудно, что же творилось в это время на территории заповедника, где, на удивление, сходятся сразу пять горных хребтов с разной осевой ориентацией? Пожалуй, нет другого места в Евразии, где бы вот так – на мизерной территории, сходилось сразу столько хребтов, под разными углами.

Примерно еще за 180 млн. лет до нашей эры, Алтай обретает облик поднятие суши с пышной древесной и травяной растительностью. В теплых водах отсыпаются гигантские земноводные; по долинам, в предгорьях бродят чудовищные пресмыкающиеся. Если бы не эти кровожадные ящеры, этот период можно считать бы, по – райски, безмятежным. За 120 миллионов лет, практически весь земной шар заселяют летающие рептилии самых разных форм и размеров: были с размахом крыльев воробья и до настоящих монстров – размах крыльев которых достигал двадцати и тридцати метров. Окаменевшие останки этих чудовищ, встречаются, но чрезвычайно редко.. Найдены они пока в Северной Африке, Северной Америке и Китае, вероятно, когда-либо будут обнаружены и в наших широтах. Всевышний, словно разочаровавшись, эстетическим несовершенством их, невероятной кровожадностью, послал, в виде небесной кары, гигантских размеров астероид, который погубил их. Но кто-то должен был владеть опять небом: на смену летающим ящерам приходят предки наших птиц – первоптицы..

Прошли миллионы лет, прежде чем пробил час первых млекопитающих – появляются их предки, не похожие на современных. Однако и этот затянувшийся на миллионы лет покой кончается: зачастили землетрясения – из разломов изливается на поверхность огненная магма – идет процесс образования руды.

На пороге кайнозойский период, отделяемый от четвертичной эры «всего» 70 – ю миллионными лет. Его сюрпризы – подвижки земной коры причиняющие тревоги и беды живому. Начинается великий поход – наступление северных льдов. Об оледенениях на Алтае единого мнения нет: украинский геолог Резниченко В.В. в 1909 – 1915 годах изучавший следы четвертичного оледенения в Южном Алтае, пришел к выводу о неоднократном наступлении оледенений. Финской геолог А. Г. Гранэ, на примере Центрального Алтая и северных предгорий, считает – было четыре эпохи оледенений. А Обручев В.А. – известный русский ученый, – уверен, что наступали только глетчеры. К примеру. считают, что миллион лет назад Бухтарминский ледник достигал в длину не менее 80 км. Наши ученые пришли к выводу, что современный облик Алтай приобрел облик близкий к современному в третичную и даже – последнюю – четвертичную эпохи. Однако все еще многие вопросы остаются без точного ответа.

На эти времена приходится очередное поднятие суши на месте Алтая и соседней Южной Сибири, что вызвало горно – долинное оледенение: сползая с гор в долины ледники переместили мощные отложения камней и россыпей, оставляя «по дороге», моренные насыпи. Моренные отложения обычны в верхнем и нижнем поясах гор Западного Алтая; заметно изменили ландшафты и речные стоки.

Животный и растительный мир становится похожим на современный. Как видим, он прошел путями эволюции немислимо долгими. Понимая только это, мы должны осознать, что уничтожая животных, растения, разрушая ландшафты, покушаемся на бесценную историю планеты. И каждый вид сформировавшийся в горниле всех этих событий – единственный, неповторимый на все времена во Вселенной.

Геологические процессы продолжают. Мы не замечаем, как не замечаем движения часовой стрелки. Горные пики постоянно уменьшаются, либо растут; реки углубляют и расширяют долины: и ежечасно «тая», теряют форму скалы, будь сложены из гранитов, диоритов, кварцитов... Воспринимая современный облик горного рельефа, видим наросты и наплывы застывшей лавы, рожденной былыми катастрофами, которые, как и всегда находятся в стадии «размыва». Тем временем отколовшиеся камни, целые скалы, что интенсивно происходит при землетрясениях и в периоды оледенений, в силу центростремительных сил скатываются, сполза-

ют вниз, образуя шлейфы россыпей, которые медленно – тысячелетиями зарастают травами и лесом.

В сущности самой природы действует законам диалектики, разрушение, созидание – единый процесс: неустанные воды и ветры переносят и отлагают пласты песка и глин, формируя будущий, новый рельеф. На Южном Алтае, к примеру, по мнению геологов, горы продолжают расти. Догадываться об этом можно, наблюдая конуса осыпей, шлейфами стекающие к подножью горных пиков.

О прошлом «Золотых гор»

Долгое время ученые гадали, меняя версию одну на другую – почему горы эти называются Алтаем?

В переводе с тюркских языков, как оказалось, «Алатун» означает – «Золотые горы», а «Алин-Тау» – «Пестрые горы. Есть предположения, что «Алтын-Ай» переводится как «Шесть месяцев». Китайцы Алтай по – своему называют – «Гинь-Шань». Это то же – «Золотые горы». Стало быть, Алтай во все времена у разных народов означал – «Золотые горы». Но, по-настоящему, «золотыми» или рудоносными, являются, как мы знаем, горы Западного или Рудного Алтая, где создан в наше время одноименный заповедник, В 2007 году ему исполнилось уже пятнадцать лет; книга, которую вы держите посвящается его замечательной природе.

Исследователи края

Рудный Алтай, издревле привлекал внимание разных добытчиков – искателей золота, и других редких металлов, зверовщиков и прочих бродячих людей. История его исследования, уже по этой причине отличается от истории знакомства с южными районами нашей области, где проходили многие, исследователи, имена которых известны всему миру. В частности Рудный Алтай обстоятельно стал изучаться разными специалистами только с середины XX века. До этого, можно сказать, был период общего знакомства с краем, – исследования, проходивших экспедиций сводились к сбору материала по геологии, растениям попутно, наряду с некоторыми другими целями. В этом плане Южный Алтай, в отличие от Западного, в большей степени привлекал природоведов. Рудный же, как магнитом, тянул к себе, в основном, геологов, рудоискателей и промышленников.

После посещения этого участка Алтая учеными – первопроходцами собраны были общие сведения, связанные с описаниями природных условий. И только в начале XX – века свой вклад в изучение края внесли энтузиасты – любители природы, большая часть которых жила и работала здесь, у нас. Исследования проводились ими, в основном, по собственной инициативе. С 30 – х годов, исходя из планов Академии наук Казахстана, нацеленных на изучение природных ресурсов республики, начались уже целевые экспедиции в разные уголки огромной его территории.

Как рудоносная, как говорилось, территория Западного Алтая, привлекала внимание, в первую очередь, рудознатцев, производственников и промышленников, геологов... В результате, процесс затянулся. Только позднее природные условия стали изучаться и другими специалистами. Однако, до второй половины XX века ни флора, ни животный мир Западного Алтая не были изученными даже в общих чертах.

Знакомство с этим краем корнями уходит в XVIII век. Путешественники, проезжающие в глубинные территории Алтая, следовали долиной Иртыша, Ульбы и, что называется, мимоходом, записывали впечатления, нашедшие отраженные в специальной литературе. С разной степенью глубины они освещали те или иные явления, связанные с природой и традициями населения. Острый интерес к краю естествоиспытатели стали проявлять лишь в конце XIX – начале XX веков, в числе которых были иностранцы, которые поверхностно, описывали местность, где проходили маршруты..

Существенный труд о природе Алтая, включая его западную часть, осуществляет московский профессор, геолог Григорий Щуровский, проехавший на лошадах в 1839 году, от Усть-Каменогорска через Риддер, деревню Новая ныне – Поперечное, через Белоубинское плато, хребет Холзун на Зырянск. Ученый произвел детальное геологические описание маршрута. В трудах его находим много интересных, но также поверхностных, описаний природы этих мест. Кое – где встречаются в его книге «Путешествие по Алтаю» краткие сведения о растениях, некоторые этническое зарисовки... Особое значение имеют личностные впечатления ученого о ландшафтах этих мест, в полной мере достойных цитирования.

Краткая предыстория заповедника

Об идее организации Западно-Алтайского заповедника, рассказ особый, не стандартный, так как создавался он не обычным, совершенно не традиционным путем – внепланово. Было много критических нареканий, что, мол, это совершенно несерьезно: если он не стоит в государственных планах, не возможно и его создание. Но, заповедник, как внебрачный ребенок, был все – таки рожден, минуя политику пятилеток природоохранной направленности, обоснованных отделами институтов Академии наук Казахской ССР бывшего Союза.

Это уже история и, поэтому расскажу несколько подробнее о том как это происходило. Началась все с того, что в район Белоубинского плато в первой декаде августа 1978 года небольшая экспедиция. Возглавлял экспедицию известный в Казахстане ботаник, за спиной которого оставлены по горному бездорожью, пустыням, не одна тысяча километров. Это Юрий Андреевич Котухов, всю жизнь, практически посвятивший изучению флоры Алтая, Саура, Тарбагатая, Манрака, Тянь-Шаня, Зайсанской котловины и еще более отдаленных мест нашей республики. И на этот раз, будучи научным сотрудником Алтайского ботанического сада, в горные хребты у Лениногорска, как недавно еще назывался Риддер, в котором он живет, пригласил и автора книги, на так называемые «Белоубинские озера». Местность называлась потому, что там сосредоточена целая система крупных и мелких высокогорных озер, проточных болот. Расположен этот угол Западного Алтая у восточной оконечности Ивановского хребта, где начинаются истоки Белой и Черной Убы, речки Барсук. В поездке приняли также участие преподаватель кафедры ботаники Усть-Каменогорского пединститута, в то время аспирантка Института ботаники АН Казахской ССР, Ткач Лилия Ивановна, работавшая по теме «Флора и растительность Ивановского белка»; еще один из близких друзей Юрия Андреевича – Владимир Чулкин – инженер обогатительной фабрики бывшего Лениногорска (Риддера) – талантливый человек, обладающий большой эрудицией, также фотограф и художник в звании кандидата философских наук – Воинов Воинов Владимир Александрович, еж горячо влюбленный в природу родного края, и, пожалуй один – единственный на белом свете человек, который охотился за облаками: коллекционировал он фотографии причудливых облаков, напоминающих лица и фигуры людей и различных животных.

Проводником, в чьем распоряжении были две лошади с экспедиционным снаряжением, был пожилой и крайне тяжело пораженный тяжелой болезнью – Петр Понкратьевич Абакумов, проживающий в таежном селе Поперечное. Уроженец этих мест, как и многие сельчане и риддерцы, он прекрасно знал отдаленные горные места своего края. Задыхаясь от напряжения, с болезненным огнем в глазах, полных глубокой синевы, со страдальческим, изможденным лицом, он набрался силы и решился на поездку. «На последок решил, вот, сходить сюда с вами, где в молодые годы бывал. – сказав несколько слов, он заходился кашлем, – места больно уж хороши... Вот и решил еще разок повидать. – Жить-то мне недолго осталось. Поехал попрощаться...». Позднее, не единожды, бывая постоянно в этих горах, я сполна оценил слова Петра Понкратьича. Оказаться у Белоубинских озер – значило побывать в самом чудном и удивительном уголке Алтая. Без преувеличения – побывать в сказке, где еще сохранились дремучие леса, хрустальные речки, озера и болота и поражающие формами гранитные истуканы, среди редких кедровников, выходящие также в горные тундры, где большую часть лета сохраняются снега. Это урочище оставалось еще совершенно диким, разве что с Зыряновска пригоняли чабаны на пастбища телят и коров. Место от города на расстоянии около 100 км находится и не менее 30 – и от старинных поселков – Поперечное и Серого луга. Естественно, очень редко кто заходил сюда: только таежная тропа по Палевскому ущелью и потом десяток с лишним километров проходить приходилось по водоразделу с зарослями карликовой березки, горного хребта Ивановского – вот основной путь который знали. Так что ни рыбаков, ни грибников, и тем более отдыхающих здесь ни разу почти за 20 – лет моего пребывания здесь в летний периода не наблюдалось. Это неизвестный был уголок даже для жителей Лениногорска. Обстановку достижения этих мест усложняют погодные условия – очень часты дожди, ночные холода... Поэтому так часты здесь встречи бродящих медведей, маралов, лосей... Холодными ночами, когда темнота накрывает хребты, дико и жутко в долинах, среди скал, режут косули. Здесь живут птицы, которые не известны были в других местах Казахстана, это: малоизученные кулики, как – бекас–отшельник, азиатский бекас, хрустан, из воробьиных – щур и сибирская чечевица, синий соловей, сибирская мухоловка, сибирский сорокопут и ряд других весьма интересных и новых птиц для фауны Казахстана.

Только здесь находится самое большое высокогорное болото, из всех горных болот, в на востоке республики. Площадь его достигает нескольких квадратных километров и здесь же, в этом углу живут еще старейшие на земле Сибири и Алтая кедры. Таким образом, край красоты исключительной, какую можно только представить для данной широты и необычных надежд, способных взволновать каждого исследователя, будь он ботаник или зоолог, натуралист или любитель путешествий с кинокамерой, фотоаппаратом. Без предвзятости скажу, что, несмотря на то, что Маркакольский заповедник, вызывает не проходящее восхищение у всех, кто бывал там, то урочище у истоков Белой и Черной Убы, много примечательнее, если позволено их сравнивать. С тех самых пор, как я стал постоянно вести здесь научную работу, приходил со своими юннатами, которые посещали мои кружки, когда я работал на станции юннатов в Усть-Каменогорске. С целью изучения жизни птиц; приезжали со мной сюда мои друзья – натуралисты, фотографы, или это были журналисты и художники... И так в приходилось работать здесь каждое лето течение 20 лет. Однако каждый раз, как только я приходил сюда, приходилось миновать Палевую яму в сторону Тургусунского перевала – кратчайшего пути от ближайшего села Поперечное и, следуя по хребту Ивановскому к северо-востоку, к истокам названных уже речек. В общей сложности этот путь составлял, как кажется, без малого, километров двадцать. И каждый раз, казалось, что все что на пути, видится впервые. Воодушевляли не только живописные ландшафты, но и встречи с отдельными цветами, животными, с озерами и ручейками. Каждый раз воспринимались все, как и в первый раз, вызывая удивление и восторг, что подстегивало желание еще и еще приходиться сюда.

Настоящую школу полевой работы прошли здесь десятки моих учеников – юннатов. Теперь можно сказать, что здесь была настоящая Мекка по практике полевых исследований начинающих и будущих биологов. Мои ребята, а это были преимущественно ученики 7–10 классов, а потом – студенты биологических факультетов, учились – методике ведения наблюдений, необходимым полевым записям, описаниям ландшафтов и так далее. Главное, учились узнавать птиц по полету, знакомится с красивейшими цветковыми растениями; ученики овладевали методикой учета численности животных, знакомились с ареалами и биотопами тех или иных видов; по голосам учились распознавать птиц, из скрадов вели наблюдения за жизнью редких или малоизученных для Казахстана птиц.

Район межгорного плато у истоков Белой и Черной Убы оказался привлекательным не только чрезвычайно сложным сочетанием ландшафтов, что немаловажно, чтобы годами, целыми днями, в любую погоду, бродить там по безлюдным местам, не утрачивая интереса. Что касается фауны птиц, которых изучали здесь, то Райская долина, которая так была названа мной, и прилегающие к ней территории, оказались просто уникальными даже в масштабах бывшего Союза. О новых для Казахстана птицах, редких и малоизученных, обитающих здесь, публиковались научные сообщения и делались доклады в крупных научных центрах Союза и зарубежных конференциях. Для примера скажу, что, именно здесь, найдены были гнезда впервые в нашей республике ряда таежных и высокогорных птиц, биология которых была в стадии мало или почти неизученной. Все это были выходцы из тундровой зоны Севера, лесов Сибири, Дальнего Востока и высокогорных территорий Центральной Азии.

Эти урочища были и остаются настоящим царством медведей: через каждые сто – двести метров встречались следы вездесущих хозяев гор и тайги. Обилие их создавало определенное напряжение, особенно ночами. Иногда, вселяя страх в сердца юннатов – постоянных спутников, среди ночи, где-то в скалах, на болотах, скал и в черной тайге, слышны были жуткие голоса местных обитателей. На высокогорных болотах встречались пасущиеся лоси, на альпийских лугах, в верхолесье – медведи и косули. Это было в то время единственное, куда заходили не большая в 5-7 голов группа маралов на летние пастбища. Год от года численность их росла и, с организацией позднее заповедника, они встречаются в большем количестве. Это было единственное на Западном Алтае место, где изредка появлялась очень редкая в наших краях кабарга – самый мелкий из оленей, также редкая и загадочная фигура региональной фауны – россомаха. Это зверь – «самый-самый»: в облике его, в поведении и физических и умственных возможностях заключены поразительные факты выделяющие его из многих других зверей, что вызывает порой самые противоречивые о гнем толкования. Здесь всегда было много соболя и белки.

Все удивительное и прекрасное увиденное и услышанное здесь, по частице оседало в сознании, в сердце, и вылилось в понимание необходимости сохранить уникальную первозданную красоту; «Нужен здесь заповедник – сказал я себе, – а не просто заказник». Эта идея крепла и

не давала покоя с середины 70-х. Начал с того, что первое сообщение было сделано на конференции по охраняемым территориям в Караганде, где сразу же идея Западно-Алтайского заповедника привлекла внимание известных ученых Казахской Академии наук. Тут же состоялось выступление по этой теме на республиканское радио. Далее, по нарастающей, шли выступления, публикации необходимости организации заповедника. Многократно идея эта проходила также по радио, в газетах, по телевидению, и, естественно, на различных областных совещаниях, имеющих к этому хоть какое-то отношение. Официальные выступления состоялись по линии Академии наук Казахской ССР, во Всесоюзном институте охраны природы в Москве и на различных научных конференциях в разных городах Союза, куда приходилось ездить на научные конференции. В автореферате диссертации «Птицы Западного Алтая», есть предложения необходимости создания здесь заповедника. В республиканском издательстве «Кайнар» издавшей научно-популярную книгу «Тропа длиною в год», отдельная глава посвященная этой территории, которая так и называется: «Быть здесь заповеднику».

Большую роль в осуществлении этой идеи сыграли, как это не парадоксально звучит – телята двухлетки и в меньшем количестве коровы. Этот простоватый, лопоухий «народец», постоянно жующий, выпасался здесь сотнями; пригоняли их, как было сказано, на летние пастбища с Зырянского района. Им только принадлежали эти земли. Поэтому часто здесь разыгрывались трагедии связанные с разбоем медведей. Звери постоянно нападали на скот, пригнанный в их угоды, принимая телят и коров, как на дар, ниспосланный божьей милостью. Медведи беззастенчиво нападали на скот в любое время суток. Запомнился эпизод, когда громадный самец загубил в один прием боле полутора десятков коров. Под конец вакханалии он задавил, загнав в болото, громадного быка – производителя, доставленного с Белоруссии на специальной платформе. Крики и стрельба пастухов, лай собак все было безрезультатно. В некоторые годы в верховьях речки Громотухи, недалеко от Черного Узла также выпасались летом стада коров и табуны лошадей. Чтоб как-то отогнать медведей пастухи поджигали листовенницы, которые сутками горели как свечи и потом еще долго чадили. Медведи подходили к свалке вагончика лесорубов на Черной Убе. И еще один эпизод: на Черной Убе, пятеро горе – охотников, отбили у медведицы медвежонка и привязали его около палатки. Две ночи медведица бродила ночами вокруг и потом набросилась на спящих в палатке людей... Об этом рассказал один только оставшийся в живых. Но главное, что за летний сезон скотом вытаптывались и уродовались луга и болота, разрушались берега древнейших озер; до земли выбивались альпийские луга, и заросли полярной березки, Местами вырубались пастухами на дрова кедровые насаждения. Геологи, охотники – браконьеры, иногда появляющиеся здесь отстреливали белых и тундряных куропаток; истребили серых сурков. Промысловики же регулярно зимой капканами и кулемами добывали соболя, и били попутно таежную птицу – глухаря, рябчика... А в широкой долине Палева яма, из-за частой посещаемости людьми из бывшего Лениногорска, которые собирали там урожай шишки кедровой, брали также и черемшу, красную смородину – кислицу, жимолость алтайскую – барбару, лесную малину, и по этому часто случались пожары. Эту же причину ставил во главу названия урочища «Палева яма» московский профессор Григорий Щуровский в XIII веке посетивший эти места..

В эпоху бюрократизма, процесс организации любой охраняемой территории – заповедника или заказника, сопряжен был с многочисленными трудностями, особенно со стороны противников охраны природных территорий. Но, всегда отказывались поддерживать идеи такого рода местные жители: нельзя им потом рубить лес, косить сено, брать ягоду и шишку, охотиться, даже просто ходить по территории... Но были и сторонники. В основном это работники Областного обкома партии и Областного лесопромышленного управления. А вот сотрудники ЛОСа в Лениногорске – ярые противники были. Поэтому вопрос, связанный с организацией заповедника многие годы стоял ребром: – «Быть или не быть...». Но все решения мало – помалу проходили, иногда, на волне подъема большинства компетентных организаций и, в том числе влиятельных лиц. Одним из весомых аргументов была и ужасающая статистика: в великом Казахстане охраняемые площади не достигали в то время 0,2 % от общей территории, тогда как «захудалые» страны третьего мира имели до 5–8 %, что, естественно, подстегивало высокие государственные структуры к принятию решений такого рода, в том числе и в лаборатории охраны природы при Институте зоологии АН Казахской ССР, где в составлялись пятилетние планы по организации заповедных территорий республики. Однако Западно – Алтайский не был зафиксирован, как было сказано, ни с какой стороны, хотя мной лично делались письменные предложения по

организации заповедников на Черном Иртыше, в горной части Саура.

Одно дело писать научные работы, где в общих словах предлагаются по инерции, природоохранные мероприятия. Совсем другое дело заниматься этими вопросами, практически внедряя их в жизнь, в действие. В этом убедиться пришлось при создании Маркакольского заповедника, а потом созданных также по моей инициативе Тарбагатайского государственного заказника в горах хребта Манрак, подготовки обоснования продления срока действия Кулуджунского государственного заказника и в реализации других природоохранных мероприятий в нашей области связанных с охраной как отдельных видов, включая и промысловых животных, так и разные запретные мероприятия, направленные на сохранения лесных массивов, в основном, у Риддера, где приходилось проводить орнитологические научные исследования.. Многие мои коллеги, причастные к научной деятельности на все старания с моей стороны, согласно кивали головами: «Да – да, надо бы такой заповедник ...». Но на этом все и кончалось. Странно, казалось бы, но совершенно не реагировала на эту идею и лаборатория охраны природы Казахской Академии наук. Поэтому многократные попытки привлечь к территории внимание лиц, которые могли что – либо изменить в лучшую сторону, не получалось: «лбом об стенку».

Однажды судьба свела меня с учеными Институт географии Казахской Академии наук с кандидатами географических наук – Елкиным Кимом Федоровичем и Губановым Борисом Александровичем. Ким Федорович имел огромный опыт в организации приписных охотничьих хозяйств в Казахстане, по созданию охраняемых территорий. В 80-х годах на Западный Алтай он от Института географии откомандировал экспедиционную группу, возглавляемую Б.А. Губановым.. После трех дней ожидания вертолета в Лениногорске, из-за погодных условий, группа наша была доставлена к Кедровому озеру. В его окрестностях были проведены рекогносцировочные наблюдения в течении всего лишь одного дня. В остальном, же, все материалы для обоснования были предоставлены в Институт географии по флоре Ивановского хребта и, в частности, территории будущего заповедника, Лилией Ивановной Щербаковой, проводившей в этих местах и по Ивановскому белку ботанические исследования, по теме: «Флора и растительность Ивановского белка». И мной, по теме «Птицы Западного Алтая». Также были представлены материалы, попутно собранные за многие годы по крупным и фоновым видам млекопитающих и рептилий.

Вскоре же названная группа научных сотрудников Института географии на этих материалах подготовила научное обоснование по географии и необходимым биологическим аспектам с целью организации будущего заповедника. Напомню, в связи тем, что работа по организации заповедника велась внепланово, положение усугублялось многими региональными препятствиями: не хотели отдавать эти территории зыряновцы, потребовались данные о том, есть ли промышленные запасы полезных ископаемых; леспромхозы, проводившие там рубки, не хотели также покидать эти леса. Проще говоря, перспективы, казалось бы, не было. Но все-таки в процесс проводимой настойчиво работы в этом русле, в эту телегу, впряглась Восточно-Казахстанская областная администрация, и заметную роль сыграло отношение начальника областного земельного отдела Соловьева Владимира Васильевича. В работу активно включился в то время и главный лесничий Восточно-Казахстанского областного лесоуправления Шешуков Владимир Анатольевич. Кстати говоря, при организации заповедника, я предлагал территорию от истоков Тургусуна. Где расположен Черный узел и до главной трассы через Линейский хребет ведущей в Россию. Шешуков В.А. включил еще и лесистые хребты – Линейский и Коксинский, простирающиеся по левую сторону от трассы, если ехать в сторону России. Таким образом, прирезаны были те самые площади, в границах которых и функционирует сейчас заповедник

... Мне как куратору идеи десятки раз приходилось выступать на различных заседаниях при областной администрации, и однажды – в Министерстве Республики Казахстан в Алма-Ате, где значился членом в подкомиссии по проблемам связанных с природоохранительной деятельностью. Выступление там в качестве инициатора было поддержано членами комиссии. К.Ф. Елкин тут же подготовил соответствующее решение по созданию заповедника...

Таким образом, будущее заповедника, на организацию которого были затрачены многолетние силы и время, спустя только 19 лет, а именно – 13 июля 1992 года, долгая дорога организационных забот и дел, благополучно завершилась – территория обрела статус Западно-Алтайского природного заповедника.

Границы

Место под природный Западно-Алтайский заповедник выбрано совершенно не случайно. Территория занимает совершенно уникальный участок, не сравнимый с другими районами Западного Алтая. Как в капле росы отражающей солнце, сосредоточены здесь основные составляющие ландшафтов этой части горной системы. В таких случаях говорят, что территория подобрана во всех отношениях репрезентативной – показательной в полной мере, заключающая совокупность основных природно-ландшафтных особенностей края. Заповедник можно назвать жемчужиной в драгоценной короне Рудного Алтая: она дополняет и умножает гордость за край, богатый не только подземными кладовыми, содержащими почти всю таблицу Менделеева, но и неповторимым величием дикой природы, которое будет служить, восхищая поколения не только красотой, но и эталоном сохраненной дикой природы.

На территории берут начало четыре речки – Белая и Черная Уба, Большой Туругусун и Барсук. Еще сотни мелких ключей, ручьев и речушек, орошают склоны гор и долины. Десятки небольших озер ледникового происхождения и заполнившие водой тектонические провалы и цирки, украшают верхний пояс горных ландшафтов. Орография заповедника просто уникальна: на небольшой территории под разными углами сходятся сразу пять горных хребтов, образующих сложный и очень живописный узел. Здесь оканчивается один из высоких и самых красивых в Казахстанской части Алтая – хребет Ивановский. На склонах его находится восхитительное сочетание таежных формаций, альпийских лугов, горных тундр, снежников, бесчисленных ручьев и речек... Обширные площади вершин представлены пиками, а склоны покрывают громадные россыпи. В подоблачной высоте, белеют фирновые поля вечного снега. Хребет в пределы заповедника заходит восточной частью, где к нему примыкает – хребет Ульбинский, также оконечностью заходящий в пределы заповедной территории. В месте их слияния, символом величия, возвышается удивительный по форме и суровости, так называемый, Черный узел. Между ним и хребтом Ивановским, в глубокой и широкой долине, застланной, словно, альпийскими лугами, в знак дружбы и братства, блистают две чаши, до краев налитых хрустальными водами, озер. Истоки Тургусуна, берущие начало с верхнего озера, символизируя красоту и неукротимую строптивость, устремляются теснинами к Бухтарме. От узла к востоку цепью громадных остроконечных вершин, уходит Ульбинский хребет. Высокие, уступающие вершины его, теряются в спрессованной до густой синевы дымке.

Продолжаясь к северу от узла, Ивановский белок, упирается в преградивший ему путь еще более высокий (Линейский белок, 2600м) хребет Холзун, подывшийся над окружающими горами. Перпендикулярно – в бок Холзуну и упирается Ивановский. В месте стыка, разделяя их, протекает, в шагов пять шириной, речка Барсук, которая берет начало с соседнего хребта Линейского и сбегая тесной щелью, сливается ниже с Большим Тургусуном. Водораздел Холзуна закрывает северный горизонт, одновременно являясь пограничным между Казахстаном и Россией.

Склоны Холзуна, почти безлесны. Они заняты каменистыми тундрами и гольцами. Исключением являются узкие гряды кедров и лиственниц растущие вдоль снежников, которыми завалены узкие складки склонов. Место представляет своего рода исключительность: только здесь, на западном Алтае, кедровые насаждения взбегают до 2200 м над уровнем моря. Обычно, верхний предел их на Западном Алтае находится на высоте около 2000 м. Однако, крутые склоны Холзуна, обращенные к югу, продолжаясь километров на десять еще к северо – западу, в границах заповедника, покрыты дремучей и дикой, кедрово-елово-лиственничной тайгой. Здесь на встречу Ивановскому храбро выходит и останавливает его, словно монстра, упершись лоб в лоб, другой – Коксинский хребет. Он метров на триста ниже Холзуна, но, зная силен – упрямо сдерживает путь встреченного «противника». Теперь два хребта, воедино слившись, с непоколебимым упрямством стоят друг против друга.

Коксинский хребет, продолжая направление Холзуна, уходит дальше к северо – западу, ограничивая правобережную часть долины Черной Убы, как и Холзун, является пограничным с Россией. Таким образом, оба этих хребта представляют собой единый горный кряж. Коксинский уходит в этом направлении далеко за пределы заповедной территории, сливаясь там с другим хребтом – Тигирекским.

Следующим – пятым звеном оказывается хребет Линейский. Название его ни с какой стороны не связано с именем великого шведского ботаника – отца систематики Карлом Линнеем. В разных литературных источниках его называют еще и Линейным. Возможно, так и должно

быть, однако большинство местных жителей по сложившейся привычке называют Линеиским. Это название прочно уже закрепилось и в литературе. Пользуемся им и мы.

Проезжая этими местами в 1844 г. московский геолог Григорий Щуровский, восхищаясь красотой, упоминает, называя его как «разлом» между Черной и Белой Убой. В те годы названия у хребта, по – видимому, еще не было.

Начало Линеиского приходится к месту истока Черной и Белой Убы. От хребта Ивановского отделяет его высокогорное, слегка наклоненное к югу плато – Райская долина. Восточная половина хребта входит полностью в границы заповедника. Это один красивейших и самых, как и Холзун, мало доступных и диких хребтов. На всей его протяженности до речки Каменушки, сбегаящей с северных склонов, где проходит заповедная граница, он зарос не тронутой, дремучей тайгой. Местами, лишь, таежный полог разбивают выходящие на поверхность причудливые скалы. Плоскими наклонными щитами и плитами они спускаются к подножью, в крутые ущелья, по которым протекает много горных ручьев. Такими же плоскими, наклонными плитами сложены острые вершины, с обрывистыми стенами, уступами на которых рассредоточены темнохвойные леса. Гребень водораздела хребта достигает в среднем 2000 м. На всем его протяжении часты округлые, издали похожие на округлые, насыпные возвышения из камня, местами, они остроголовые, сложенные из скальных нагромождений. На северных склонах, кое-где, почти все лето на нем сохраняются снежники.

Западная часть заповедника, частично проходящая вдоль реки Белой Убы, обтекающей его с юга, пересекает водораздел хребта и уходит в северном направлении к долине Черной Убы у названной речки Каменушки. Далее, к северу, она восходит к водоразделу Коксинского хребта – пограничного, как сказано было, с Россией.

Таковы, в общих чертах контуры границ заповедника, имеющего площадь более 56 тысяч квадратных километров. Цифры, естественно, не дают истинного представления о масштабах территории, учитывая еще и то, что рельеф заповедника чрезвычайно усложнен хребтами, долинами... По сути, его территория – огромный горный край – «страна» с сотнями речек, ручьев и родников, с озерами и тайгой, с гольцами, болотами и снегами... Стянутые в единый узел хребты, разделяются живописными долинами, в которых проложили путь бурные речки. Стоит взглянуть только с какой-нибудь вершины и взору открывается от горизонта до горизонта фантастически красивая панорама: вздыбившиеся округлые или с острыми пиками вершины, с ошестинившимися скалами, серыми плащами россыпей и пятнами снегов. В ясную погоду межгорные долины залиты голубоватой дымкой, с силуэтами строгих елей и пихт. Взгляд здесь – соприкосновение с заповедной страной, суровой и строгой несущей печать первозданности. Кажется, порой, что над чарующей панорамой с угластыми горизонтами живет, музыка – особая, реликтовая симфония – реквием ушедшим векам, дарящим следы древности.

Недалекое прошлое

Если ехать по обновленной трассе из Риддера в Россию, за старым, деревянным мостиком стоит у дороги аншлаг, оповещающий о территории заповедника. Повернув вправо по старой лесовозной дороге, попадаешь в широкую лесистую впадину – распахнутые ворота тайги. Разбитая лесовозная дорога зеленым коридором уводит к подножью Ивановского хребта вдоль Палевой речки. До создания заповедника здесь были частыми пожары и все вокруг в начале долины стояли и выглядывали из высоких трав – обгоревшие стволы и коряги. Позднее здесь полыхали розовым и сиреневыми плантации иван-чая. Все это говорило о частых пожарищах. И вот, спустя пятнадцать лет, разница между прошлым и настоящим – совершенно стала очевидной: дорога залечивает собственные раны: избавляется от прорытой колесами тягачей, размытой колеи с дивными ключиками чистой воды; поднялись теперь осоки, мятлики, лабазник...

Ходить старыми дорогами в тайге удобно, без труда удаляясь в отдаленные дебри, наслаждаясь запахами и звуками обступившего леса.

Тропинки, в отличие от этих дорог услужливо огибают каждый камень, корягу, валежник, выводят из лесу к альпийским огулам и тундрам. Но тропинки всегда, внезапно исчезают и сам тогда челночишь по склону в поисках ее, продираясь через густые и высокие травы, завалы, кочки, спотыкаясь о скрытые в травах валуны, постоянно падая и чертыхаясь.. И так пока не выйдешь на тропу снова.

Зарастающая дорога не только уводит в таежный рай, она поражает каким-то особым уютom, вселяя покой и желание идти бесконечно. Высокие мятлики, ежа сборная, перловник, шары

и зонты медвежьей дудки и морковника, белые кисти лабазников, синие факела живокости высокой, борщевиков..., обычны у тропы, стараясь не пускать в свои уголья. У дороги же все иначе: выстроились они у обочин, и, кажется, с почтением и покорностью склонили очаровательные соцветия. Но шаг в сторону и с головой скрываешься в источающих удушливые испарения травы, поэтому по зарастающим проселкам ходить, великое удовольствие.,

До 70-х годов прошлого века, в Палевой люди бывали часто. Как принято здесь говорить: «били кедр», или «шишковали», рвали черемшу, собирали малину, ездили у Тургусунскому перевалу к озерам на лошадях. Зимой здесь соболевали, охотились на рябчика, глухаря, белку, брали медведя в берлогах. В Палевой стояла охотничья избушка названная – избушка Паутова. Низкая, срубленная из кругляка, насквозь прокопченная, пропахшая керосином. звериным салом от жировушки, как называли светильники сделанные из посуды – блюда или мелкой консервной банки. В них наливался жир и в него ватный или тряпичный фитиль. Он и был источником света в мрачной обители охотника в течении зимы. Дневной свет проникал в избушку через крохотное, квадратное конце. Вечерами «коптилка» ставилась на столик, освещая сбитый из бревен и слегка отесанных топором досок; у противоположной стены, грубо срубленный топчан, заваленный пропахшим дымом тряпьем. Печурка – обычно в углу у двери или лаза. От стенки к стенке через избушку натянута проволока. На нее для просушки подвешиваются натянутые на проволочные или деревянные палки, соболи и белчишки шкурки; в углу лыжи, подбитые камысом, топор для дров, капканы, ружье... Предмет цивилизации – пожелтевший от копоти треугольный осколок зеркала, прикрепленный у оконца и полочка для посуды, прибитая к стенке. Вот и все удобства. В сенцах, забиваемых снегом, если она есть, – заготовлена поленица дров. Около избушки чурка, на которой таежник колет дрова и место куда сливает помой – остатки еды. Отсюда уходящая лыжня – путик, ведущий к капканам, кулемам на звериных тропах и нарысках. Путики ведут за многие километры, через распадки, щели и перевалы к другой избушке, где все та же обстановка. Жизнь охотника была бы много скучнее, если бы не собака, разделяющая все радости невзгоды таежного затворника.

В яме Палевая веками вырубались леса, но самое страшное – пожары. Частыми они были, Потому, что приезжающие из соседней деревни – Поперечное, с Серго луга, из Риддера, бросали не затушенными костры... Последняя огненная стихия, как мне известно, прошла по Палевой в конце 70-х прошлого века: водитель бросил не затушенный костер... Вот по этой причине такое замечательное, но многострадальное урочище площадью, примерно около 20 квадратных километров и названо Палевым, от слова «палить» – гореть....

Ради сравнения процитирую собственные строки из книжки «Тропа длиною в год», в которой лет двадцать назад, до создания заповедника, несколько слов сказано о Палевой: «Вот и сегодня черные, сухие, полуразвалившиеся стволы погибших кедров и лиственниц, пихт и берез скелетами врезаются в небо. У ног их бушует сиренево-розовый огонь цветущего кипрея. Долина озвучена перегулом и перезвоном пчел, жуков и других насекомых. Среди рухнувшего сухостоя и гниющих стволов поднялась жимолость алтайская, которую здесь называют барбарикой. Ширятся заросли кустарников малины и смородины. И ехали, и шли сюда на лошадях, машинах, пешком за ягодами, за «шишкой» кедровой и просто на отдых классами и группами ученики, поэтому нет гарантий, что печально названное урочище вновь не обойдет очередной пожар. Сколько раз мы с юннатами гасили оставленные костры, до которых никому дела не было! Неужели суждено быть вечно обгорелой этой злосчастной Палевой яме, и нам постоянно придется вместо шумящих на ветру деревьев, видеть обгоревшие останки, мрачно гудящие в ненастье»?!

Теперь Палевая отдыхает, наслаждаются покоем птицы и звери, благоухают травы, заросли охотничьи тропы, исчезают следы гарей – урочище.

